

Каяться – так каяться

Скоро осень в Облачном краю. Правда, начинается она не для всех сразу. Для кого-то — строчкой в календаре, переменою платья. Или рыжими снопами, или красной листвой. Иные же чувствуют осень по свету: и не поздно ещё, а смеркается.

На кургане трава пожухла не от жары: истрёпана ногами посетителей. Этим летом сюда много ходили и монахи, и миряне, с подношениями и просто любопытные. Новые святые воротца у подножия, тёмные, как посмотришь против света. Монаху-то за ворота можно, это ведь храмовая работа — прибирать места погребений. Если оглянуться на восток, небо над воротами вечернее уже, с белой прозрачной луной.

В храме Облачной рощи готовятся сейчас к новой беспокойной ночи. Настоятель Арэн, как вернулся из странствий, всех отучает от сонной лени: и собственным примером, и всяческими поручениями. Сегодня он передаёт третью часть тайного Закона господину Унрину, самому знатному монаху из братии. Возни — до утра, с огнём и дымом, пением и медным звоном. Если тебя ещё не хватились, то и не вспомнят.

Свежее ветер в соснах на вражеской могиле. Да тут и без сосен хорошо. После всех-то летних страхов, когда Унрину живых подданных показалось мало и он мёртвого вызвал из гробницы. Древнего воина, Облачного Богатыря. Усмирителя Подгорного края. Тогда обошлось, но было — нехорошо. Особенно подгорцам, вроде монаха Нэхамбо.

Будто бы пусто на кургане. Только что-то булькает тихонько и капает. Равномерно и с расстановкой. На супостата нашего Богатыря не похоже.

Монах осторожно окликает:

— Во едином звуке А-аа — всему начало...

Со склона в ответ:

— Во едином звуке Ун-нн... Завершение!

Свой, храмовый. Кое-кто, кому сейчас надлежит быть в Облачной обители. Его там сотня дел дожидается. Ему бы и больше нашли, лишь бы не

мешал.

Впрочем, храмовый распорядитель Хатидзё и тут при деле. Эге, да при таком, что в Облачный лес ему до завтра лучше не возвращаться! Булькает — черпак, окунаясь в бадью. Капает брага: в бадью же, ибо рука у распорядителя уже нетверда.

Распорядитель Облачной обители сам из жреческого рода. Возлияния совершает на кургане, ничего удивительного. Унимал Богатыря в том числе и он. Достоин награды. Выдаёт сам себе из храмовых бражных запасов, благо монахи-то у нас всё равно не пьют. А он не монах.

Только если присмотреться поближе — не с таким лицом вкушают заслуженную награду.

— С полнолунием, наставник! — кривовато кланяется Хатидзё, не вставая с травы.

И правильно. Лучше сидеть, чем падать. Иной столичный господин такую бадейку каждый вечер оприходует, и ничего. Но то — Государевы чиновники: они упитанные люди. А для тощих, как Хатидзё, брага — яд. Травиться же на божьем кургане — дело скверное.

— И тебя с полнолунием!

Монах устраивается рядышком. Он и сам не особенно толст, да ещё с утра набегался. Была бы у распорядителя тут хоть какая закуска, очень бы кстати пришлась. Так ведь не закусывает!

Хатидзё спохватился:

— Ты не на обряде. Что-то... случилось?

— Невелика потеря, что не на обряде. Господин Унрин не заметит, а настоятель поймёт.

Что поймёт? Что отрекшегося государя Унрина не всяк возьмётся искренне поздравить с посвящением? Особенно — наш брат из Подгорья.

Или что настоятель сам не рад будет видеть, как чья-то рожа на обряде кривится от вранья? Бывает, конечно: великий праведник на третий год пострига готов уже воспринять высшие таинства... Да только подгорец Нэхамбо, двадцать лет как обритый, художественно понимает: нынче перед нами не такой редкостный случай.

Или ещё Хатидзё мог бы понять: многодневные наши обряды — дело расходное, надо кому-то

присмотреть и за распорядителем. А то без припасов останемся.

— Жалко, — говорит Хатидзё. — Когда-то Государь старался всё замечать. Хотел, чтобы вокруг были подвижники Закона. Настоящие монахи, со всей страны. Научился обходиться без этого... Наверно — правильно: меньше желаний.

Некоторым вещам лучше учиться вместе. В родиче своем Хатидзё бывший государь тоже не нуждается больше. Ещё бы он родича как-нибудь от встречной нужды избавил...

Распорядитель помолчал. Зачерпнул ещё браги. Смотрит на монаха:

— Знаешь, Нэхамбо... Я тебя убить хотел. Вот почти на этом самом месте.

Монах осторожно перехватывает черпак у него из руки. Подносит к носу.

Есть у подгорца недостаток, с каким в храме не выслужишься: лицо перекошено и дёргается. Неблагообразно. Вот так, косясь, он приглядывается к выпивке. А вдруг тут не божья брага, а вправду отравы, на здравый ум влияет?

Пробует. Нет, кажется: ничего. Допивает. Спрашивает:

— А почему?

— Хотел понять, что за вражда была когда-то между Облачными и Подгорными людьми. Это ещё когда Богатырь тут являлся. Я сосредоточился — и вышло так, будто бы я тебя уже убил. Почуял, как это, но всё равно не понял... Но тогда я не пил.

— А я?

— Что — ты? — распорядитель вскидывает глаза на Нэхамбо.

— Ну, там, в видении этом... — монах встряхивает черпаком.

Хатидзё задумался:

— Ты... Вроде бы трезвый был. На вид.

— Тогда... На всякий случай, — Нэхамбо зачерпывает ещё. И выпивает.

Распорядитель на него смотрит. Чуть было не улыбнулся, но — нет, не получилось. Говорит:

— Я вообще — всё меньше понимаю. И других, и себя.

Монах помолчал. Дёргает щекою, словно на место её пристраивает. Трёт вмятину на бритом темени. Она тоже видна при поклонах, глубокая и мягкая: уродство, не походишь на обряды в достойные столичные дома.

Спрашивает:

— А в чём не понимаешь?

Вопрос из разряда тех, что сами себя опровергают. Настоятель Арэн такие любит. Кто вправду не понимает, тот не ответит.

Хатидзё глубоко вдыхает. Как если б тут пребывал бог и воздуха не хватало. На самом деле ему слов недостаёт. Показывает на пальцах: левое вправо, правое влево, неизбежно должны пересечься — а вот нет, не пересеклись.

— Причины есть. Последствия — тоже есть. Только они у меня друг с другом не связываются. Или связываются, но задним числом.

— Страшно связывать?

— Да даже нет. Просто не успеваю.

Распорядитель взглядывает на небо. Потом кланяется:

— Полнолуние, наставник. Можно — я тебе покаюсь?

— А чего ж не покаяться?

Раз уж мы тут. При полной луне вся община друг другу каяться должна, по уставу Просветлённого. В храме сейчас не до того, а тут — конечно, можно.

— Три года назад я сдуру хотел помочь своему тестю, следователю Намме. Дрался с нашим с ним родственником, Хокумой. Тестю этот Хокума был ещё и сослуживцем. Младшим. Я его ранил. Потом его скрутили, потом — отослали из Столицы и убили по дороге. Я не понял, что вообще не надо было его трогать. Уж в чём бы он сам ни был виноват. Тесть его отпустить собирался. Дать ему уйти живым.

Нэхамбо кивает:

— Это я по себе знаю.

И тоже глядит вверх. Там луна — почти над головою. А от заката за курганом уже и следа не видно. Даже отсвета на облаках.

Начинает:

— Или уж никому не служить. Или, если над тобою начальство — родня, господин ли — тогда

приказов спрашивать. Как дураку пусть скажут и трижды объяснят. Иначе... Я ведь как в монахи попал? Начинать служить при старшем родиче. Он — наместничий заместитель наш в Подгорье, справедливый человек. И храбрый. Ходил бы вовсе без охраны, да нельзя: по чину положено. И вот, взял меня к себе. Объявились в горах грабители, господин отправился их укоротить. Без побоища чтобы сдались. А я не сообразил. И вояка из меня оказался никудышный. Схватился с одним... И убил бы. Или он бы меня, и тогда б ему казни не миновать. На счастье моё, меня кто-то по башке двинул. До сих пор не знаю: разбойник или свой. Пока я лежал, все сдались. По-хорошему.

— И после этого ты...

— Голову-то мне лекарь побрил, чтоб рану вычистить. А я потом волосы отращивать не стал. Всё равно шрам не зарос бы... Подался в храм. Просветлённый же трижды объясняет.

— Да, — кивает Хатидзё, и вот тут-то улыбается. — А потом ещё в четвертый раз подытоживает стихами. Потому сутры и длинные.

— Да я грамотей не большой, мне со слуха проще.

Занятный он, господин распорядитель. Вроде взрослый парень, на жреца выучен, теперь чиновник при храме. Самого государя бывшего подготовил к принятию сана, книги святыя с ним разбирая. А тут смотрит, как мальчишка: ого, так ты ещё и самоставный монах! Это ж куда круче, чем законный!

В храм Облачной Рощи собирают праведников. Что с ними было прежде — лишний раз не проверяют, верят на слово: праведники же не врут. Нэхамбо тоже — не врал. Просто кое о чём помалкивал.

— А в другой раз был случай...

Монах взмахивает рукой, будто бы: эх, каяться — так каяться! И локтем сшибает бадью.

— Ой! Вот ведь...

Брага разливается по жухлой траве. Уходит в землю.

— Нич-чего, — мотает головою распорядитель, — это правильно.

Брага — божья, и поднесли её в обитель для Богатыря, а не для пьяниц неумелых. Конечно,

правильно.

Хатидзэ спускается за пустой бадейкой. Надо же, не упал! Возвращается, слегка петляя. Садится сбоку от монаха, говорит:

— И так всё время, с самого начала. Батюшку отправили служить на юг. Он мог бы меня забрать с собой. Но — оставил деду. У деда и без меня учеников хватает. Я злюсь: хорошо же, тогда — буду книжки читать. И пусть кто скажет, что я дурное дитя! Дедушка: тебя письма успокаивают? Ладно, будешь книжником. Я: ах, так? Хорошо, буду. Там про жрецов и про обряд тоже многое написано, так я это всё выучу. Выучил! Дед: давай попробуем, как ты это применишь на деле. Допускает меня в Обрядовую палату. Хожу туда. Делаю всё по правилам. И другим указываю, как надо. Одна девушка, жрица, мне говорит: а это правильно, чтоб служить против воли? Домой, говорит, хочу, к матушке. Я прошу знаменья: а угодна ли богам эта дева? Выходит — негодна. И если б только она одна... Начинаю с малого: вывожу хотя бы её из жреческого сана.

— Ясно.

Рядом сидеть — конечно, удобнее. Можно не прятать лица: и так не видно.

— Сам оскверняюсь. И ещё хуже: вцепляюсь в неё и ору, что отпущу — только когда её родня за ней придёт. И если с ними что дурное сделают, так я вашу Обрядовую Палату... В общем, опоганю на всю жизнь. С тех пор меня от обряда отстраняют. И получается: зачем я это всё устроил? Чтобы на службу не ходить, а дома с книжками возиться, как привычнее.

В обители ударил колокол. Значит, одним тайноведцем стало больше. Ну что ж, празднуйте теперь до утра, а Нэхамбо воздержится.

— Сижу, читаю, — продолжает Хатидзэ. — Месяцы и годы. А применять? А ты пересказывай Государю, что прочитал, вот тебе и применение.

— Погоди, — останавливает монах. — А с нею что? С той девушкой?

— Ну, забрали её родители. А потом она сменила имя и вышла замуж. Детей родила. Не от меня. Дед на службу пристроил её мужа, верёвки вить. Говорит, усердный... И то сказать: можно ли гневаться на

девчонку, если она не сумела отказать внуку господина Асано?

— Как мило с его стороны...

— И вот, — вздыхает распорядитель, — даю я учёные справки по отдельным вопросам. Государь слушает и действует по-своему. А чаще — бездействует. Получается: мне всё равно, что мои слова все втуне, то есть я и книгам-то по-настоящему не верю. И какой же я тогда книжник? Пробую разобраться: каким книгам у меня вера есть, а каким — нет. Разобрался! Врываюсь к деду: это я совсем зачитался и забыл, как снег выглядит, а как — осенние листья? Или это у вас календарь врёт?! Дедушка разводит руками. Моё, говорит, влияние не всесильно, от прямой крамолы я тебя очистить не смогу. Вон с должности, пока не поздно! Ах, вон? Убегаю в горы, ищу пострига. И вследствие этого оказываюсь женат на дочке сыщика Наммы. Он как раз крамолой по долгу службы занимается.

— Ну, это ты, по-моему, не нарочно, — примирительно отзывается монах.

— Да я всё не нарочно! Полюбил. Хочу, чтоб и супруга меня — тоже. Повёл её вишнями любоваться в Отрадные горы. Чуть не уморил там — и её, и ещё несколько человек. Зачем? Затем, видимо, чтобы она со мной постаралась больше дела по возможности не иметь.

То-то каждый раз, как монах Нэхамбо по делу забегает в усадьбу на Восьмой улице, госпожа Хатидзэ спрашивает: и как там у вас мой супруг? И смотрит так, будто Облачная обитель его уже съела.

— Ты не обижайся, распорядитель. Но я уже двадцать лет дивлюсь: до чего миряне все... Что ж вы с женщинами так плохо ладите-то?

— Монахи лучше? — с неожиданной злостью огрызается тот.

Нэхамбо вздыхает. Хмурится:

— Монахи тоже по-разному. И это очень мешает. Вот была одна женщина. Вдова молодая, по мужу убивалась. А эта страсть — дурная и опасная. Умерший своё обрёл уже, и будь он хороший человек — воздалось ему счастьем, а дурной — очищается от злых своих дел, горем же ни того не возвратишь, ни

этому не поможешь. А про живых — забываешь, когда сама ставишь покойного между собой и ими. И был тут один монах, увещевал её. Преуспел было. Она уж успокоилась, одеяла стегает на зиму... А её родня и монахово начальство всё поняли превратно. Ты зачем, говорят, от родителей сманиваешь дочь, а от могилы поминальщицу? Ну, не поняли — надо объяснить. Объясняю раз, другой. Меня перебивают: ты Устав хоть помнишь, статью про сношения с женским полом? А я, знаешь, очень не люблю, когда перебивают. Замолчал. Выбирай, говорят, за что будешь отвечать: за распутство или за незаконное наставничество. Да как выбрать, когда и то, и другое — враньё? Тогда меня в первый раз из общины и изгнали.

Распорядитель — молодец. Не спрашивает: а за что потом приняли обратно и сколько ещё было таких раз. За другое зацепился:

— А если на письме всё излагать? Чтоб не перебивали.

— Да у меня письменные слова хуже складываются. Когда другого выхода нет, пишу, конечно. Я ж этому толком и не учился никогда...

Нет выхода — это если в Облачную обитель доставляют послания из дворца, от младшей государыни. Или из Подгорного края, от старшей родни.

Но распорядитель не уточняет. Опять себя корит?

— Государь принял постриг, я остался при нём. А теперь места около него больше нет. Одно дело — когда подле господина пусто. Тут уж, нужен или нет, служишь, как можешь. Но когда господин другими людьми занят... Может, это у меня чванство, от знатности, но пробиваться я не могу.

Подобрал бадью. Задумчиво барабанит пальцами по донцу.

— Вот, теперь у моего Государя есть учитель — и есть ученик. Наверное, для меня это должно что-то значить. А я не знаю, что.

Посвящение господину Унрину даётся не просто так. Настоятель Арэн назначил его наставником даровитого отрока: сына того господина Оданэ, который сейчас наместничает в Подгорье. Из такой семьи дитя бы в храм вовсе не отпустили, но раз к

отрекшемуся государю — тут не откажешь. А чтобы вести ученика, да ещё способного, Унрин сам должен принять все таинства. Что из этого получится, пока не понятно: мальчик и вправду непростой. Но в подборе учителей и учеников наш Арэн не промахивался ещё ни разу. Так что, должно быть, Унрин в этом деле увязнет.

Впрочем, Хатидзё оттого не легче.

— Знаешь, что, распорядитель? — монах хлопает себя по коленям, — Я не знаю, чего тебе на самом деле надо. Но если по-твоему потом выйдет, будто ты домогался отставки из Облачной обители, так я скажу, что это — неправда. Если следствие всегда одно, из любой причины — так то ошибка и противоречие Закону. Ты ж учёный человек, мог бы понимать.

Луна наверху — в полной красе: белая на синем. Время ещё не совсем осеннее, иначе ею бы следовало любоваться. Через месяц, в следующую ночь покаяния столичные жители этим и займутся. И подгорца позовут, только он постарается не ходить. Потому что на лунном круге принято видеть Зайца, любимого сподвижника Облачных богов и государей. Или уж знак «А», если кто благочестивый ученик настоятеля Арэна. А Нэхамбо вместо этого всё мерещится на луне какая-то рожа. Да и та кривая.

Облачный Богатырь лежит себе в кургане. Двое спускаются по склону, а он — весел и пьян, как подобает древнему богу. Думает тихонько, ни к кому не обращаясь. Смешно: подгорец, враг, совершил мне сегодня возлияние! И зачем? Чтоб умилостивить? Или чтобы заморочить? Да нет. Хотел не дать напиться собрату по монастырю. Потомку старого Облачного рода. И даже сам не понял, что сделал. Сильна, сильна порука нынешнего Властителя Земель!

Сказать им, пусть тоже посмеются? Не надо. Бритый же сам учит: нехорошо мёртвому становиться между живыми...